

МУЖ РЕБЕККИ

Продолжение

Но главное заключалось в другом. После приезда в Москву к нему в кабинет пришел улыбающийся Николай Тихонович Воропаев — его заместитель, горячо пожал руку, светился радостью:

— Поздравляю!

— Тихоныч, — усмехнулся Илья, — все эти похвалы начальства ценой в пятак.

Оказалось, что Воропаев и знать не знал, и слышать не слыхивал об успехе на конференции.

— Мелешкин уволился!

Вот это была радость! Воропаев вытащил плоскую флягу. Разлил содержимое по стаканам. Чокнулись, выпили и одновременно засмеялись. И, возможно, коньяк, или время пришло толкнуло Николая Тихоновича на откровенность:

— Знаешь, Сергей Васильевич, — проникновенно сказал он Илье, — я стал к тебе лучше относиться.

— А раньше почему плохо относился?

— Нет. Я всегда тебя уважал и как человека, и как спеца, но, все понимал, надо было осторожничать, хотя иногда казалось, что ты перестраховываешься. А вот сейчас чуть что, и ты — шашки наголо. Я ведь не только Мелешкина имею в виду. Мелешкин сам по себе тьфу.

— Как думаешь, чем кончится? Вернее, чем я закончу?

— Судьба, — философски протянул Воропаев. — Или грудь в крестах, или голова в кустах... Но вот ты улыбаешься, значит, все у нас будет в порядке.

Илья его не разубеждал. Улыбнулся своим мыслям: «Сергея вернется окажется разведенным, да еще и без работы. Илюша, давай на поворотах сбрасывай скорость».

Дома гражданской войны не было. Вместе бегали по утрам, вместе завтракали и ужинали. Всегда на скорую руку. С Сил Сильчем гуляли по очереди. Кстати, Сил Стлыч бегать с Лидой отказался. «Настоящий мужчина, — прокомментировала она. — Всегда ищем, где легче и удобней». Последнее, конечно, относилось к Илье, вернее к Сергею. Но ничего выяснять он не стал.

Лида была привлекательной женщиной. Илья это понял, присмотрелся. Но похоже вопросы секса ее абсолютно не интересовали. Может, фригидна? Иначе как все это объяснить?

Живет с мужем под одной крышей и сторонится его. Илья, правда, никаких шагов к сближению не предпринимал. Праздничный ужин по ее приезду все еще стоял у него в горле комом. Но и она ни словом, ни взглядом не дала ему понять, что мог бы и заглянуть к ней в спальню. Она каждый вечер, отправляясь к себе, сухо говорила:

— Спокойной ночи. — И все. И лицо холодное, неприступное.

Дважды, когда не спалось, он прокрадывался к ее комнате. Один раз видел тонкую полоску света под дверью.

В другой — темноту. Но оба раза не то, что не решился дверь открыть, даже постучаться. Прав был Сергей: никогда к ней не зайдешь, она ничего и не скажет...

По средам у Бекки занятия заканчивались поздно. Сергей коротал вечер в одиночестве и с нетерпением ее ожидал. Без нее и жизнь была не жизнь. Дел, правда, хватало. Каждый вечер он тщательно, во всех подробностях записывал в толстенной тетради все, что происходило на работе. Все попеременно: о людях, с которыми работал, о взаимоотношениях с ними, кто на что способен, копии бланков, которыми пользовался, технические вопросы, их решения... Илье по приезде предстояло это проштудировать самым серьезным образом. Он ведь в строительном техникуме не учился.

С какого-то момента каждую среду он, поработав за столом, звонил соседу со второго этажа рабби Зарху и, если заставал его дома, они обязательно встречались. Некоторая скованность, которая была в начале знакомства с раввином, у Сергея прошла. Общались, как старые друзья, называли друг друга по именам — Илья, Марк. Марк был в разводе и на все еврейские праздники уезжал в Филадельфию к детям.

Темы разговора у них были самые разные — об Америке, о России, об Израиле, об отношениях евреев и не евреев. Немного это напоминало давние разговоры с Ильей. Сергей по-прежнему не мог согласиться, что надо родиться евреем, чтобы во многом разобраться. Для этого, как он считал, прежде всего надо было понять — а кто такие евреи, кого следует евреем считать?

Об этом он и спросил сегодня Марка.

— Вопрос не простой. Можно на

все это посмотреть с разной точки зрения. С исторической. В шестнадцатом веке на узкой полосе между Средиземным морем и Аравийской пустыней поселились те, кто пришел из Месопотамии. Их звали «иврим». Евреи. И среди перселенцев был Авраам, которого считают прородителем еврейского народа. Его внук Иаков, — поправился, — один из внуков, которого впоследствии нарекли Израилем, и дал название народу. У него было двенадцать сыновей или, как сказано в Библии, двенадцать коллен. — Рабби Зарх улыбнулся. Улыбка всегда выглядела чуть ироничной и грустноватой. — По глазам вижу, что вы это все знаете и хотите другого.

— Верно. Про это я читал.

— Понимаю. Можно сказать, что еврей тот, у кого мама еврейка. Но это вы тоже знаете. Можно говорить о том, что у евреев очень развито чувство получать, брать, если можно так, конечно, выразиться.

— Вы считаете это положительным качеством? Мне так не кажется.

— Вы неправы. Это прекрасное качество при условии, что получая, ты рано или поздно захочешь отдавать.

— Но не все же хотят.

— Увы. Но я никогда не говорил, что евреи идеальны.

— Вот с этим я согласен.

— С вашего позволения давайте вернемся к тому, о чем вы спросили. — У Марка Зарха был приятный тембр, вкрадчивые интонации, приветливая улыбка и всепонимающие глаза. — Можно сказать, что евреем следует считать человека, который сам себя называет евреем. Но это, полагаю, не точно. Видите ли, Илья, недавно я был в кафе «Tea for two» на Kingshighway, кошерном, конечно. Ел суши, но это к делу не относится. Народу было очень много. И вдруг я понял, что при всем различии всех собравшихся людей: ортодоксальных евреев, родившихся здесь, в Америке, иммигрантов из разных стран, мы все — члены одной семьи. И вот поэтому ничего дурного здесь, в кафе, произойти не может. Ощущение уверенности и покоя.

— Но разве евреи не враждуют?

— Не должны. Вы в Израиле были?

— Нет.

— Вам было бы интересно. У большинства, живущих в Америке, не очень правильное представление об Израиле. Многие думают, что страна эта очень религиозная. А верующих там мало. Но чрезвычайно много лю-

Иван Менджерицкий

дей веселых. Молодежь гуляет по ночам, танцует, поет песни. Хулиганов нет.

— Правда, есть террористы.

— Есть. Арабы. Серьезная школа ненависти. Но евреи вспоминают об этом только, когда происходит какое-то ЧП. И к арабам, парадоксально, но факт, ненависти не испытывают.

— Так кто же такие евреи?

— Ну, скажем, члены одной семьи, хотя в этой семье есть и инфанты террибл. Но они же свои, их не вычеркнешь и дверь перед ними не закроешь.

— Ваши определения, извините, рабби, мне кажется, не очень точны.

Раввин Марк Зарх пожал плечами:

— Возможно, Илья, вы и правы. Но я всегда знаю — передо мной еврей или нет. — И неожиданно. — Вот вы не еврей, хотя и Берман, и Илья Намумович.

Это было неожиданно. Наступила пауза. Сергей, наконец, прервал ее, с трудом удержавшись от того, чтобы не спросить:

— Как вы узнали?

Сказал:

— Все дело в том, что на еврея не похож?

— Внешность никакой роли не играет. Есть не евреи очень похожие на евреев, и есть евреи совсем не похожие на детей Израилевых.

— Так как вы в этом разбираетесь?

Рабби Марк Зарх засмеялся:

— Не научно. Просто от каждого еврея исходит вибрация. Во всяком случае, я ее чувствую. А от не еврея не исходит.

— И что же мне делать? — с улыбкой спросил Сергей.

— Ничего. Вы славный и добрый человек. У вас совершенно очаровательная жена. Кстати, ее вибрацию я чувствую. И я чувствую, что вы очень любите друг друга. Вы не будете это отрицать?

— Не буду. Но если вы не признаете во мне еврея, хорошо ли что я живу с еврейкой?

— Ничего страшного, — засмеялся Марк Зарх и повторил, — ничего